

На правах рукописи

САКСА АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

ДРЕВНЯЯ КАРЕЛИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. Н. Э.
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ
ЛЕТОПИСНОЙ КАРЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

07.00.06 - археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2006

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры РАН

Ведущая организация: Государственный Эрмитаж

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Кочуркина Светлана Ивановна

член-корр. РАН, доктор исторических наук Макаров Николай Андреевич

доктор исторических наук Свердлов Михаил Борисович

Защита состоится «__» «_____» 2007 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории материальной культуры РАН по адресу: Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН

Автореферат разослан «__» «_____» 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
канд. ист. наук

П. Е. Нехорошев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Источниковедческая база для изучения наиболее северного из подчиненных Новгороду финских племен — корелы — была заложена ещё в последней четверти XIX в. раскопками финских ученых на могильниках и городищах Карельского перешейка и северо-западного Приладожья. Позднейшие планомерные исследования 1970-х — начала 2000-х гг. значительно расширили эту базу. Материалы этих раскопок и результаты проведенных по ним исследований обобщены в целом ряде монографических работ (Т. Швиндт, Х. Аппельгрэн, С.А. Нордман, С.И. Кочкуркина, А.Н. Кирпичников, Ю.-П. Таавитсайнен, П. Уйно, А.И. Сакса).

Выявление территории расселения населявших северо-западные области Новгородской земли прибалтийско-финских племен, их этническая история и социально-экономическое развитие, культура, национальные особенности, выразившиеся в формах погребальной обрядности и материальной культуры, стали первоочередной задачей археологии Северо-Запада России. В последние три десятилетия последовательно и результативно изучаются археологические памятники летописной корелы. С конца 1980-х гг. работы на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии носили все более выраженный характер международных междисциплинарных исследований. Это позволило получить новые данные по геологической истории Приладожья, освоению человеком этой зоны, истории и развитию земледелия.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что диссертация посвящена изучению истории одного из прибалтийско-финских народов, сыгравшего значимую роль в культурно-исторической, социально-экономической и политической истории Новгородской республики и всего обширного региона Восточной Прибалтики. Наряду с этими фундаментальными историческими проблемами интерес вызывает исследование собственно материальной культуры древних карел, её происхождения и развития, культурных связей карел, процесса сложения поселенческих центров и становления раннекарельского общества в целом. Вторая половина I — вторая половина II тыс. н. э. — важнейший этап в истории финно-угорских племен, время их этнической консолидации. Письменные источники содержат крайне скудные известия о истории, хозяйстве, культуре, территории расселения и других аспектах существования северных финно-угорских племен до времени XIII–XV вв., что делает археологические свидетельства чрезвычайно ценными. Диссертация актуальна и с точки зрения традиционных российско-финляндских научных связей в области археологии. Новой темой в работе является исследование происхождения природного и культурно-исторического ландшафта Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья, определившего возможности успешного социально-экономического и культурного развития населения этой зоны.

Цели и задачи исследования. Основной целью работы является рассмотрение проблемы происхождения и ранней истории карел, выявление предпосылок и факторов, повлиявших на расцвет древней Карелии в XII–XIV вв., изучение процесса сложения поселенческих центров, их функционирования, внутриплеменных и внешних связей. Для достижения этой цели определяются и задачи исследования. В первую очередь, это анализ развития погребальной обрядности и материальной культуры древних карел, на основе которого разрабатывается детальная хронология вещей, выявляются узкие, практически в пределах одного поколения хронологические пласты и определяется динамика развития, как в рамках отдельных поселенческих центров, так и на территории всей древней Карелии. Такая методика позволяет рассматривать карельские памятники не в целом в рамках XII–XIV вв., но относить их к определенному временному отрезку внутри этого признанного всеми исследователями периода расцвета карельской культуры. Тем самым увеличивается и информативная ценность отдельных находок карельских украшений на всей территории их распространения, выявляется их территориальная и хронологическая «ниша».

Источниками для диссертации служат как археологические материалы, так и средневековые письменные памятники. К последним относятся древнерусские летописи и берестяные грамоты, скандинавские саги, папские буллы, сочинения по истории Северных стран. Используемые в работе археологические материалы получены при раскопках на Карельском перешейке финских археологов в 1880-е – 1943 гг. и в ходе последующих раскопок советских и российских археологов в 1970-е – 2004 гг. Сведения о памятниках изучаемой территории собраны нами по публикациям и при изучении архивов и фондов Института археологии РАН, Института истории, языка и литературы Карельского филиала РАН, Института истории АН Эстонской ССР, Национального музея Финляндии. В диссертации в полной мере использованы данные самого автора диссертации, полученные при полевых работах 1978–2004 гг. на городищах, сельских поселениях, могильниках и культовых местах Карельского перешейка и в Северо-Западном Приладожье, а также в городах Приозерск (крепость Корела) и Выборг. Новым важным источником являются данные палеоэкологических исследований на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье, одной из главных задач которых было выяснение истории земледельческого освоения этой зоны.

Методика исследования базируется на комплексном источниковедческом подходе к различным видам источников. Она основана на детальной хронологии карельского археологического материала, что позволяет привлекать надежно датированные данные летописей и берестяных грамот, а также находки карельских вещей из культурного слоя Новгорода, крепости Орешек и других городских центров Новгородской земли в рамках одного узко датированного хронологического горизонта, выходя тем самым на конкретный ис-

торический пласт. Эта же методика позволяет проследить динамику внутреннего развития в древней Карелии и внешние связи древней карелы, предпринять попытку реконструкции процесса становления и развития средневековой карельской этнической общности и формирования национально-территориального образования Карельская земля.

Научная новизна диссертации определяется введением в научный оборот результатов новых археологических, геологических и палеоэкологических исследований, объединенных одной общей темой изучения истории, культуры и хозяйства населения древней Карелии. В диссертации впервые в отечественной литературе подробно рассмотрены история археологического изучения территории древней Карелии, геологическая история региона и процесс формирования историко-географического ландшафта Карельского перешейка. Особое внимание уделено рассмотрению природных, исторических и социально-политических факторов, определившие дальнейшее развитие населения и расцвет карельской экономики и культуры в XII–XIV вв.. В работе детально и комплексно рассмотрены археологические памятники исследуемого региона с привлечением как традиционных археологических приемов, так и статистико-комбинаторных методов. Впервые проведено детальное сопоставление памятников предшествующего появлению карельской культуры XII–XIV вв. в Северо-Западном Приладожье времени с памятниками Западной Финляндии, что позволило определить степень влияния внешних факторов на процесс сложения средневековой карельской культуры. Значительное место в работе занимает рассмотрение внешних связей карел, влияния карельской культуры на соседние территории в Финляндии и в северо-западных областях Новгородской земли. В диссертации выявляются локальные и хронологические группы памятников, выделяются общие закономерности и локальные особенности развития карельской погребальной обрядности и погребального инвентаря, исследуется проблема возникновения и развития культуры древних карел. Отдельно рассматриваются поселенческие центры — районы концентрации могильников, поселений и случайных находок вещей. Эти центры составили социально-экономическую основу древней Карелии.

Практическое значение работы. Диссертация тесно связана с тематикой отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН и согласована с планом его работы. Представленные в ней материалы, положения и выводы использовались и могут быть использованы в дальнейшем при написании обобщающих работ и специальных исследований по истории Карелии, Новгородской земли, Финляндии, изучении различных аспектов политической и экономической истории Восточной Прибалтики. Выводы, полученные при работе над диссертацией, могут найти применение при изучении других прибалтийско-финских племен. Материалы раскопок автора и положения, изложенные в диссертации, используются при подготовке лекционных курсов в Санкт-Петербургском государственном университете, Педагогическом университете

им. Герцена в Санкт-Петербурге, Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого, университете г. Йюенсуу (Финляндия), построении музейных экспозиций и подготовке экскурсий, в краеведческой работе и научно-просветительской деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены в одной монографии и 102 статьях на русском, английском, финском и шведском языках. Отдельные разделы диссертации обсуждались на заседаниях отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, пленумах ИИМК РАН, региональных, всесоюзных и всероссийских конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Петрозаводске, Суздале, Новгороде, Твери, Старой Ладого, Выборге, Приозерске. Основные положения диссертации неоднократно докладывались на ежегодных Российско-Финляндских гуманитарных чтениях (Санкт-Петербург), финно-угорских конгрессах в Сыктывкаре, Дебрецене (Венгрия), Ювяскюля (Финляндия), советско- и российско-финляндских симпозиумах по археологии в Ленинграде, Хельсинки, Таллинне, Выборге, Пушкинских горах, международном конгрессе по истории крепостей Балтии (Турку, 1992). Разделы по истории формирования ландшафта Карельского перешейка и освоения человеком окружающей среды, истории земледелия в древней Карелии прошли апробацию на международных симпозиумах по истории климата (Санкт-Петербург, 28.3.–2.4.2001 г.) и истории Ладожского озера (Санкт-Петербург, 1993 г.), Йюенсуу (Финляндия), 2000 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 8 глав, заключения, списка использованной литературы и иллюстраций, иллюстраций в виде карт, рисунков и фотографий вещей, схем и фотографий мест археологических памятников, отражающих распространение карельских вещей диаграмм и приложений из таблиц по погребальному обряду и инвентарю могил.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая картина исторической ситуации в Восточной Прибалтике в средневековье, показывается её влияние на население северо-западных районов Новгородской земли, ставших в свете борьбы Новгорода со Швецией за обладание приневскими землями и Карелией стратегически важным регионом. Раздел Новгородской Карелии в результате Ореховского мирного договора 1323 г. и передача шведам трех западных карельских погостов радикально повлияли на судьбы карел. Во введении кратко излагается современное состояние археологического исследования летописной корелы, обосновываются цели и задачи настоящего исследования.

Глава I. История археологического изучения древней Карелии

Начальный период (1870-е гг. –1917 г.). Археологическое изучение территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья получило свое начало в 1870-е годы с деятельности Выборгского студенческого обще-

ства Хельсингского университета, организовавшего ряд экспедиций по сбору археологических и этнографических материалов в тогдашнюю Выборгскую губернию Великого княжества Финляндского.

В этих экспедициях участвовал Теодор Швиндт — будущий «отец карельской археологии», выявивший и раскопавший в 1880-е годы карельские грунтовые могильники эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.). Современник Т. Швиндта Хяльмар Аппельгрэн провел исследования древних городищ и крепостей Финляндии и Карелии.

Вскоре после открытия Т. Швиндтом на Карельском перешейке карельских грунтовых могильников, содержавшие подобные украшения могилы были найдены в Восточнофинской области Саво. В результате этих работ уже к концу XIX в. сформировался основной фонд археологических источников по ранней истории карел (корелы новгородских летописей). Затем наступил период относительного затишья в области исследования памятников железного века на рассматриваемой нами территории.

Карельская археология в период независимости Финляндии (1918–1944 гг.)

Финские археологи вернулись к полевым исследованиям на Карельском перешейке в начале 1920-х гг., когда А. Европеус раскопал в дер. Лапинлахти могильники эпохи меровингов и викингов. Он одним из первых выдвинул теорию западно-финского происхождения карел. Она базировалась на сходстве погребального обряда и инвентаря могильников VIII–XI вв. Карелии с одновременным материалом могильников западных областей Финляндии. Как считал Европеус, различия появляются лишь в более позднее время, когда Карелия попадает под влияние Новгорода, а Западная Финляндия оказывается под властью Швеции. В эти же годы железному веку Карелии посвятил специальное исследование С.А. Нордман, в котором он подверг детальному анализу все категории карельских украшений. В этой работе Нордман высказал предположение о том, что древнейшее население Карельского перешейка происходит из области Хяме. Племя карел возникло из смешения этого населения с пришельцами с востока и юго-востока, то есть с другими финскими элементами. Исследования А. Европеуса и С.А. Нордмана нашли свое продолжение в трудах Э. Кивикоски, продолжившей в 1930-е – первой половине 1940-х гг. исследования древнего прошлого карел, после чего гипотеза о западно-финском происхождении карел стала господствующей в финской археологической науке.

В послевоенные годы финские археологи не оставили полностью без внимания карельскую тематику, обратив его на изучение хранящихся в Национальном музее страны материалов из прошлых раскопок на переданной Советскому Союзу по мирному договору 1944 г. территории Карелии. В первую очередь это касается предметов украшения.

Археологические исследования российских археологов на Карельском перешейке и Северо-Западном Приладожье (1970-е гг. – 2004 г.)

Последовательное изучение прибалтийско-финских древностей на территории Ленинградской области, включая Карельский перешеек, началось лишь в конце 1960-х гг. С образованием в 1974 году в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР сектора славяно-финской археологии эта работа приобрела планомерный характер. 1970-е годы явились переломными в археологическом изучении древней Карелии. Начались полевые работы на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье в таких ключевых пунктах, как крепость Корела и Тиверский городок на Вуоксе, древний Выборг, городище Паасонвуори и другие городища северо-западного побережья Ладожского озера. При проведении этих работ внимание уделяется также поиску и исследованию могильников и синхронных им сельских поселений. В области исследования происхождения карел и их культуры разработана гипотеза, согласно которой карелы имеют автохтонное происхождение при отчетливом влиянии на развитие культуры на ранних этапах западнофинских переселенцев (С.И. Кочкуркина, Г.А. Панкрушев, А.И. Сакса).

1970-е годы ознаменованы также началом плодотворного сотрудничества с археологами Финляндии в рамках рабочей группы по археологии Советско-Финляндской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Новым направлением стали междисциплинарные исследования с привлечением геологов, палеоэкологов, озероведов. Результаты археологических исследований на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье, включая свои собственные многолетние работы, впервые в отечественной науке обобщила и научно обработала С.И. Кочкуркина в докторской диссертации «Археологические памятники карелы. V–XV вв.» (1981, 1982). Особый интерес вызывают результаты ее собственных раскопок, анализ полученных материалов, классификация предметов украшения и керамики. Ценность этого издания состоит еще и в том, что оно сделало доступным для широкого круга исследователей ранее неизвестные и разбросанные по различным, главным образом финским публикациям данные по археологическим памятникам карелы. В 1984 г. автором этих строк защищена кандидатская диссертация «Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным)». В ней дан анализ предшествующих достоверно карельским древностям материалов второй половины I – начала II тыс. н. э., детально рассмотрен погребальный обряд и инвентарь карельских грунтовых могил XII–XIV вв. В работе впервые рассмотрены сельские поселения и культовые памятники карелы. Итоги научных исследований по истории древней Карелии послужили научной базой для двух защищенных в Финляндии докторских диссертаций (Uino 1997; Saksa 1998).

Перечисленные выше работы, при использовании их авторами единой исследовательской базы, различаются в подходах к археологическому матери-

алу, постановках приоритетных, наиболее важных и мало исследованных с точки зрения каждого автора научных проблем и задач. Следует также в этой связи подчеркнуть, что решение одних, представляющихся актуальными на данном этапе проблем неизбежно вызывало новые вопросы, также требующие своего решения.

Глава 2. Карельский перешеек — формирование природного и историко-географического ландшафта.

Геологическое развитие рассматриваемого региона послужило определяющим фактором в создании предпосылок для расселения и позднейшего пребывания человека в Приладожье и на Карельском перешейке. Заметное влияние на формирование рельефа рассматриваемой территории и создание его основных современных форм оказали ледники. Особенно яркие следы оставило последнее валдайское оледенение. Отступление ледника привело к началу достаточно быстрого на раннем этапе подъема земной коры, прогнозируемой в период оледенения гигантской массой льда. В результате бассейны Балтийского моря и Ладожского озера утратили связь с океаном, став пресноводным Анциловым озером (9500–10700 л. н.). Подъем земной поверхности, её наклон в юго-восточном направлении и связанные с этим изменения береговой черты Ладожского озера и Финского залива стали основными образующими ландшафт факторами в послеледниковый период.

Ладожская трансгрессия. Ладога становится самостоятельным озером на заключительном этапе истории Анцилового озера, когда уровень воды во всем бассейне Балтийского моря резко упал и возник Хейнйокийский порог на Карельском перешейке около 9700–9800 лет назад. Причиной трансгрессии озера явилось неравномерное поднятие поверхности земли, усилившееся примерно 5700 лет назад. Ускорение подъема земли совпало с прорывом вод Саймы в Ладожское озеро и рождением Вуоксы более 5000 лет назад. Количество воды в озере резко увеличилось. Порог стока воды озера сместился в его юго-западный угол. Этот порог был прорван около 3300 лет назад с образованием р. Невы. Основной сток ладожской воды проходил уже не через порог Хейнйоки в Выборгский залив, а через Неву в Финский залив. В результате уровень воды в озере упал на 12 м. Соответственно и поверхность озера значительно сократилась, особенно в его южной и восточной пологих частях, что привело к катастрофическим последствиям для всего древнего населения побережья Ладоги.

После возникновения Невы ландшафтная ситуация на Карельском перешейке приобрела, в основном, современные очертания. Основной сток воды Вуоксы шел в Ладогу через Приозерск (Кякисалми) (восточное русло) и лишь часть воды поступала в Финский залив у Выборга (западное русло).

Формирование историко-географического ландшафта. Первые следы обитания человека на Карельском перешейке и на север от Ладожского озера

относятся ко времени около 10400 лет назад, когда Ладога была еще заливом Анцилового озера, соединяясь с ним через Хейнйоковский пролив.

Дальнейшее освоение древними людьми этой территории объясняется в первую очередь заметным потеплением климата и в целом улучшением природных условий. Наиболее густо были заселены берега древнего Хейнйоковского пролива с его многочисленными островами и богатыми рыбой бухтами. С началом эпохи неолита (около 5000 лет до н. э.) количество поселений увеличивается.

В хозяйстве населения на рассматриваемой территории существенных изменений к этому времени еще не произошло. Первые следы хозяйственного воздействия человека на природу, фиксируемые в образцах из донных отложений озер, относятся ко времени около 2200–1800 гг. до н. э.

В результате начавшегося около 1300 лет до н. э. мощного культурного влияния из области верхнего течения Волги и Оки Карельский перешеек и восточные районы Финляндии оказались в зоне распространения культуры текстильной керамики. В Северном Приладожье наряду с текстильной продолжалось использование и асбестовой керамики. Поселения этого времени на Карельском перешейке и в Ладожской Карелии единичны и слабо изучены.

Глава 3. Население Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья в железном веке (I – начало II тысячелетия н. э.)

Ощутимое воздействие на условия жизни на Карельском перешейке и примыкающих к Ладожскому озеру территориях оказало происшедшее в конце I тыс. до н. э. ухудшение климата и возникновение Невы в начале эпохи бронзы около 3300 лет назад и связанное с этим падение уровня воды в Ладоге более чем на 10 м. Многие поселения оказались расположенными далеко от воды, ранее богатые рыбой водоемы, заливы и протоки стали частью суши. Все это привело к сокращению и возможной миграции населения, а также к его дроблению на более мелкие коллективы.

Достаточно поступательное и наглядно проявляющееся в археологическом материале развитие культуры железного века в Приладожской Карелии фиксируется начиная с середины I тыс. н. э., и связано оно с возросшим спросом на пушнину в Европе, что привело к увеличению промысловых поездок в отдаленные северные районы. Археологически уловимым следствием этого стало появление на обширной территории зоны таежной охоты предметов охотничьего снаряжения: наконечников копий, топоров, блоковидных каменных кресал. На Карельском перешейке эти предметы составляют наиболее заметную и представительную группу находок первой половины – третьей четверти I тыс. н. э. Концентрируются они в зоне Вуоксы, что отражает её роль как важнейшей транспортной магистрали, а самого перешейка как зоны промысловой охоты.

Местное население в это время продолжало жить в близких к каменному веку условиях, используя орудия из камня. Таким образом, в Приладожской Карелии в первой половине – середине I тысячелетия н. э. одновременно (параллельно) существовали две культуры: культура местного населения, продолжавшая традиции предшествующего времени, и культура пришлых промысловых охотников, представленная орудиями охоты из металла и каменными блоковидными кресалами.

К середине I тысячелетия н. э. (VI в.) относится самая ранняя для времени железного века могила на рассматриваемой территории — *погребение под каменной насыпью в дер. Нукутталахти* на о-ве Риеккала в северной части Ладожского озера.

В этом погребении вещи имеют широкую область распространения и не составляют единого сложившегося погребального комплекса. Форма погребальной насыпи близка так называемым лопарским грудам внутренних районов Финляндии.

Мы полагаем, что имеющие иноземное происхождение украшения из могилы свидетельствуют о приходе в это время на смену сезонным промысловым поездкам охотников за пушниной организованной меновой торговли на местах, продуктом которой они являются. В связи со сказанным следует отметить, что и в таежной зоне Северной и Восточной Финляндии украшения иноземного производства в массовом количестве появляются в составе находок лишь начиная с середины – третьей четверти I тысячелетия н. э.

С точки зрения развития культуры железного века Карелии, интересным и важным является материал второго из наиболее ранних известных могильников железного века — каменной насыпи на участке *Наскалинмяки* в дер. Лапинлахти (Ольховка), датируемой временем около 800 г. В финляндской археологической литературе этот комплекс рассматривается как одно из ключевых доказательств заселения Карельского перешейка новым населением из западных областей Финляндии. В то же время вопросы об исходной территории, масштабах колонизационного потока и путях его прохождения остаются открытыми.

При детальном сопоставлении погребального обряда и вещевого материала погребения Наскалинмяки с аналогичными памятниками Западной Финляндии выяснилось, что в Западной Финляндии на VIII – начало IX века не находится области, погребальные памятники которой как по конструкции, так и инвентарю соответствовали бы рассматриваемому погребению. Отмеченное нами противоречие между погребальным обрядом и инвентарем могилы из Лапинлахти устраняется, если предположить погребение в ней местных жителей в традиционной для этого таежного района каменной насыпи.

Погребения и места находок отдельных вещей первой половины эпохи викингов (IX – первая половина X в.) происходят из мест, где на время совершения захоронения не фиксируются следы постоянного населения. Наиболее

известное погребение этого времени было найдено на южном склоне горы Линнавуори в Лопотти (пос. Куркиёки). Погребение совершено по господствующему в эпоху викингов в Финляндии обряду трупосожжения на каменной вымостке. Однако оно выделяется отчетливым интернациональным (скандинавско–прибалтийско-финским) набором предметов вооружения и украшений.

Оставившие эти захоронения западно-финские «переселенцы», следовательно, могут рассматриваться в свете этих находок не как представители направленного на восток из Западной Финляндии через центральные районы страны колонизационного потока, а как вооруженные группы воинов-торговцев, взявшие под контроль водные пути и пушные ресурсы Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. Отправной точкой этих отрядов являлся район Турку–Лайтила–Каланти в Юго-Западной Финляндии, где сосредоточены аналогии находкам из Карельского перешейка. Поэтому естественно предположить их поступление в Карелию морским путем через Финский залив и Неву.

С XI века начинается новый этап в развитии карельского общества. На это время приходится начало постоянных занятий земледелием. Могильники этого времени содержат значительно большее количество захоронений. Они принадлежат уже местным общинам, хотя и остаются по обряду и инвентарю западно-финскими по форме. Однако одна важная особенность проявляется уже на этом предшествующем сложению собственной карельской культуры этапе. Это избирательность, предпочтение наиболее популярных в Западной Финляндии и в целом на Балтике украшений. В западно-финскую по облику культуру здесь, в Приладожской Карелии, добавляются общебалтийские, интернациональные элементы.

Конец эпохи викингов в Приладожской Карелии знаменуется накоплением значительного количества серебра, аккумулярованного в монетных и вещевых кладках. Как явствует из распространения находок, население уже освоило к XII в. все те районы, где находятся более поздние достоверно карельские памятники.

Глава 4. Археологические памятники эпохи расцвета древней Карелии (XII–XIV вв.)

В этой главе рассматриваются археологические источники периода существования самобытной и богатой средневековой карельской культуры, ее возникновение и время расцвета, отразившееся в материале карельских грунтовых могильников XII–XIV вв., в составе кладов и культурных слоях поселений. В этой части работы проведен анализ погребального обряда и инвентаря могил, разработана типология основной части женских украшений, хронология вещей и погребальных комплексов, внутренняя хронология могильников, выделены хронологические группы предметов украшений и погребений,

рассмотрены отдельные находки вещей в свете их принадлежности к выделенным по погребальному инвентарю хронологическим группам.

Карельские грунтовые могильники XII–XIV вв.

Погребальный обряд. Для карельских грунтовых могильников XII–XIV вв. характерно значительное количество коллективных могил. Они представляют собой погребения мужчин и женщин, причем всегда парные.

В группу карельских грунтовых могил входят погребения трех видов: внутри деревянных рам из толстых балок; в ящиках (камерах) с дном и крышкой из досок и толстыми поперечными стенками; в сооружениях, имеющих форму ящика с одинаковыми по толщине стенками. Часть могил не имеет следов погребального сооружения. Они характеризуются богатым погребальным инвентарем, северной или северо-восточной ориентировкой, различными деталями захоронения.

Могилы разделяются на три взаимосвязанные группы. Могилы первой группы характеризуются полным отсутствием деталей захоронения и следов погребальных сооружений, которые, видимо, не сохранились. В могилах этой группы отсутствуют также отдельно положенные в могилу напутственные вещи (оружие, орудия труда, котлы, горшки). Имеется лишь «личный» мужской и женский инвентарь.

Могилы второй группы отличаются наличием в погребениях набора напутственных вещей, северной ориентировкой и захоронением в погребальных сооружениях, имеющих форму ящика с дном и крышкой из досок — для основного ядра могил.

Третья группа могил выделяется наличием над могилами вымостки из камней со следами воздействия огня и углей на ней, северной ориентировкой. В вымостке обычно находились обломки гончарных сосудов и кости домашних животных. В могилах этой группы встречаются лишь отдельные предметы вооружения, украшения или орудия труда. Захоронения совершены в погребальных сооружениях, имеющих форму ящика, внутри деревянных рам и с поперечными стенками из толстых балок.

Погребальный инвентарь. В анализе погребального инвентаря использованы как уже существующие в науке типологические схемы, так и разработанные автором данной работы. В основу нашей классификации положены различие в форме и орнаментации вещей. Типы вещей выделены по их форме, а варианты — по орнаментации.

К вещевому набору женских погребений относятся металлические принадлежности убора (булавки и головные украшения «сюкерё»), шейные ленты и застежки, скорлупообразные и подковообразные фибулы, пронизки и цепедержатели, цепочки, копоушки, ножи с бронзовыми рукоятями и ножны орнаментированные, различные подвески и привески) и напутственные вещи (серпы, косы, тязки, удила, ножницы, иголки, пряслица). Для мужских погребений характерны кольцевидные фибулы, поясные наборы, оружие, топоры,

ремесленные инструменты. Как в мужских, так и в женских погребениях встречаются шейные ленты, перстни, удила.

В итоге выявления сходства могил между собой по погребальному инвентарю мы выделили две группы мужских и три группы женских погребений. Для первой группы мужских погребений характерен набор воинского снаряжения, а также котлы, удила, косы и предметы украшения, пояса и кресты нательные. Большая часть погребений второй группы содержит лишь нож, кресало, иногда топор, стрелы, пряжку поясную и еще реже кольцевую фибулу и перстни.

Каждая из выделенных групп женских могил характеризуется набором в погребениях украшений определенных типов и вариантов. В то же время погребальный убор в целом остается традиционным, состоящим из почти стандартного и неизменного набора конкретных предметов. Меняются лишь типы и варианты этих предметов, иногда добавляются новые украшения (как в погребениях второй группы).

Датировка карельских грунтовых могильников является одной из ключевых проблем; они широко датируются в целом XII–XIV вв. Для получения более детальной хронологии требовались новые подходы, которые отчасти были реализованы в типологическом исследовании овально-выпуклых и подковообразных фибул, других категорий украшений. Использование этого метода не решило проблемы выявления групп одновременных погребений. Проведенные нами наблюдения за корреляцией предметов украшений на основе выделения комплекса одновременно бытовавших украшений, типологическая и стилистическая связь отдельных категорий вещей позволяют восполнить этот пробел.

Могины времени развитого этапа карельской языческой культуры в целом датируются второй половиной XII–XIII в. – началом XIV в. Карельские украшения были в употреблении в быту и после смены обряда в первой половине XIV в., на что указывают находки этих вещей в новгородских слоях XIV в., а также в Кореле, Тиверском городке и Орешке. Они, видимо, широко использовались и в одежде христианизированных карельских женщин.

Состав погребального инвентаря, детали погребальной обрядности и сама конструкция погребального сооружения изменялись со временем. При этом выявлено, что нет прямого совпадения групп могил, составленных по принципу хронологии вещей с группами схожих по элементам погребальной обрядности могил, что вполне закономерно, так как обряд менялся медленнее, чем типы украшений. Сказываются также и локальные особенности в погребальном обряде и наборе погребального инвентаря. Поэтому в следующем разделе *внутренняя хронология могильников* могилы рассмотрены по отдельным могильникам с целью выявить на них разновременные захоронения.

Датировки могил основывались на результатах проведенного нами исследования погребального инвентаря. Поскольку в могилах нет монет и другого датирующего материала, мы были вынуждены обратиться к рассмотрению их *относительной хронологии*.

Среди карельских женских могил нами выделены три хронологические группы. Могилы наиболее поздней группы демонстрируют, как инвентарь и погребальный обряд стандартизируются: в погребениях обнаруживаются лишь украшения традиционного женского убора. Полностью исчезают напутственные вещи и на место срубных деревянных рам и погребальных камер приходят гробы из досок.

В результате такого рассмотрения выясняется, что инвентарь могил со временем кардинально не изменялся. Некоторые изделия предшествующего времени использовались и при смене ведущих форм украшений. Хронологические различия между карельскими могилами эпохи крестовых походов не являются значительными. Изменения происходили постепенно, в могилах последующего этапа оставалось место для вещей предыдущего. Единственно, в конце XII в. или, вероятнее, в XIII в. происходят изменения в составе погребального инвентаря, выразившиеся в увеличении количества серебряных украшений (подковообразные фибулы, броши-застежки) и появлении новых вариантов овально-выпуклых фибул, цепедержателей и ножен ножей. Также и форма могил (срубные конструкции, коллективные захоронения) и расположение могильников в непосредственной близости от небольших однодворных деревень отражают произошедшие внутри эпохи крестовых походов изменения в системе хозяйства и расселения.

Следует учитывать, что грунтовые могилы второй половины XII–XIII в. представляют лишь один период развития карельской культуры языческого времени, а именно период её возникновения и расцвета. На территории древней Карелии найдены и исследованы погребения с инвентарем или другими чертами языческой погребальной обрядности и более позднего времени. Они происходят с тех же территорий, на которых с эпохи позднего железного века уже существовали развитые средневековые поселенческие центры.

Глава 5. Средневековые поселенческие центры.

Исследование археологических памятников на территории отдельных центров концентрации населения дает представление о состоянии и динамике демографического и социально-экономического развития как в различных составных частях древней Карелии, так и в целом во всей Карельской земле.

Саккола Лапинлахти (Ольховка)

На территории деревни Ольховка на южном берегу оз. Суходольского открыты и отчасти изучены археологические памятники всего периода позднего железного века и эпохи средневековья, что делает этот район в определенной степени эталонным для изучения истории населения древней Каре-

лии и его культуры. Наиболее ранним памятником является погребение под каменной насыпью, относящееся к концу эпохи меровингов (около 800 г. н. э.). На этом же участке выявлены могильники конца эпохи викингов. Существование этих могильников в какой-то мере и в XII в. относит характерные для погребального обряда эпохи викингов явления к начальному этапу эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.). На территории деревни насчитывается по крайней мере три могильника и четыре поселения эпохи крестовых походов и средневековья, культовый центр с жертвенным камнем и ритуальными каменными насыпями, восемь отдельных культовых камней с чашевидными выемками. Судя по керамическому и вещевому материалу могил и поселений, вещевым и радиоуглеродным датировкам каменных куч, карельские грунтовые могильники, расположенные рядом с ними селища и каменные насыпи культового центра представляют один и тот же хронологический горизонт эпохи крестовых походов, относимый нами к концу XII–XIII вв. Могильники Патья и Леппясенмяки, как и культовый центр в западной части деревни, продолжили свое существование и после смены обряда с наступлением исторического времени. Это касается и соответствующих им деревень в прибрежной зоне озера Суходольского (Суванто).

Каукола (Севастьяново)

В сельском приходе Каукола памятники и отдельные находки рассматриваемого времени известны в деревнях Коверила, Ярвенпяя, Рокосина и Сяппяс. В Коверила Т. Швиндтом раскопаны два могильника эпохи крестовых походов Кекомьяки (6 могил) и Кулхамьяки (две потревоженные могилы с карельским инвентарем).

Основной поселенческий центр в этой части Карельского перешейка в эпоху крестовых походов располагался, таким образом, на северном берегу оз. Ковериланярви (Богатырское), откуда был прямой выход в озеро Вуоксу и всю водную систему Вуоксы и через нее в Ладожское озеро и в Финский залив.

Ряйсяля (Мельниково)

На территории сельского прихода Ряйсяля в нижнем течении Вуоксы известны многочисленные археологические памятники эпохи каменного, бронзового и железного веков, а также эпохи средневековья. Наиболее ранние находки железного века относятся к римскому железному веку.

Одним из самых известных доисторических памятников района является Калмистомяки — прибрежный холм, на котором обнаружены и исследованы поселения бронзового и раннего железного века и могильник позднего железного века и средневековья. Второй известный пункт — Тиверский городок, на котором помимо следов поселения эпохи крестовых походов и средневековья, найдены вещи эпохи викингов и керамика раннего железного века.

Кроме этих существовавших продолжительное время памятников, на территории прихода имеется значительное количество отдельных находок эпохи викингов и крестовых походов.

Находки эпохи викингов свидетельствуют, что постоянное население в эту эпоху распространилось на всю территорию нижнего течения Вуоксы от Тиверского городка до пос. Горы (Уннункоски) на северо-западном берегу оз. Вуоксы. В эпоху крестовых походов крупные поселенческие центры сложились в районе дер. Тиури (Васильево) (Тиверский городок и окрестности) и пос. Райсяля (Мельниково). Еще один центр концентрации населения существовал на полуострове Ховинсаари (Большой) на южном берегу оз. Вуокса.

Нижнее течение Вуоксы, включая южное и западное побережье одноименного озера, в рассматриваемое нами время было густо населенной и экономически развитой областью. В XII–XIII вв., когда первостепенное значение для ведения хозяйства приобретают пригодные для развития земледелия и животноводства земли, новые поселения возникают в первую очередь на пологих, хорошо прогреваемых солнцем берегах и прибрежных невысоких холмах, характерных для этой части Карельского перешейка. Уже в период существования развитой поселенческой структуры в середине – второй половине XIII в. возникает поселение на Тиверских порогах. Это развитие получило продолжение в последующую эпоху средневековья, что наглядно демонстрирует материал исследованного нами средневекового поселения Тонтиньяки на полуострове Большом (Ховинсаари).

К вещевым находкам на поселении относятся, в том числе два бронзовых нательных креста и снабженная отверстием для подвешивания костяная печатка с изображением воина в островерхом шлеме с копьем в левой руке и прямоугольным по форме щитом в правой. Кресты и печать относятся к XV в. Изображение воина на печати напоминает находку серебряного перстня из могильника Суотниemi с аналогичным сюжетом. За этими изделиями представляются известные по письменным источникам карельские племенные вожди — «валиты» (избранные) с их неперемненными символами власти. Следует принять во внимание, что именно на Ховинсаари в последней четверти XV в. находилась усадьба представителя одного из пяти «родов карельских детей» Григория Рокульского.

Несомненно, к этому поселению относится часть раскопанных здесь Т. Швиндтом в 1888 г. могил и место кузницы, а также различные очаги и каменные вымостки.

Кякисалми – Корела (Карельский город)

Небольшое островное укрепление Кякисалми в устье Вуоксы (Корела новгородских источников) являлось центром приладожской части Карельской земли. Оно упомянуто в летописи в связи с попыткой шведов в 1294/95 г. взять под свой контроль восточную часть новгородской Карелии. Попытку вскоре отразили новгородцы, которые затем в 1310 г. на реке Узерве (Уусиярви — Новая река) «срубиша город на пороже нов ветхьи сметавше».

Решение проблемы местоположения первоначального карельского поселения стало возможным благодаря археологическим раскопкам на крепостном острове, проведенным в 1972–1976 гг. А.Н. Кирпичниковым и продолженным в 1989–1993 гг. автором данной работы.

В результате этих работ установлено, что «Карельский городок» (Корела) в 1310 г. был построен по единому плану и в течение короткого срока. При исследовании нижнего строительного горизонта 1310–1360 гг. в соседстве с русскими изделиями встречены вещи карело-финского облика, что привело к заключению, что наряду с новгородцами в «городе» проживали также карелы, что согласуется с известиями летописи.

При строительстве новой крепости площадь острова была значительно расширена с использованием деревянных бревенчатых платформ. Под горизонтом настила из толстых бревен первой половины XIV в. выявлены остатки постройки с полом, датируемой концом XIII в., которую можно связать с известием летописи об укреплении новгородцами отвоеванной у шведов крепости в 1295 г. Под этим горизонтом дерева и темной земли со щепой расчищен слой крупнозернистого песка, в котором было найдено значительное количество различных изделий из металла, дерева, кожи, керамики, бус, украшений из бронзы и серебра, в том числе и карельских типов. Это приводит к предположению, что песок на окраинную часть острова был принесен во время укрепления крепости в конце XIII в. из места (по-видимому, на самом острове), на котором до постройки новой крепости уже существовали культурные отложения с вещами последней четверти I тыс. – начала II тыс. н. э.

Ниже этого слоя песка в юго-западной части раскопа выявлен еще один горизонт дерева, лежащий непосредственно на материке. Серия радиоуглеродных дат относит время его существования к XIII в., то есть, этот слой относится к упоминаемой источниками первоначальной карельской крепости Кякисалми. Стало очевидным, что вся история древнего Карельского городка связана с этим островом.

Главным в занятиях жителей первоначального карельского поселения, наряду с рыбной ловлей, были ремесло и торговля. Достаточное развитие получило и сельское хозяйство. В окрестностях крепости, как явствует из последних палеоботанических исследований, уже в XIII в. существовали постоянно обрабатываемые поля.

В окрестностях г. Приозерска (Кексгольма) практически не известны находки рассматриваемого нами времени, за исключением одной женской могилы из неизвестного места и случайно найденной в городе овально-выпуклой фибулы. Ближайший могильник находится в пос. Яркое (Суотниеми).

Могильник *Суотниеми* находится на северном берегу озера Вуокса на территории пос. Яркое в глубине небольшой бухты на южном склоне характерного для этих мест невысокого холма. Из пяти раскопанных Т. Швиндтом

могил лишь одна была женской. Это погребение 3, совершенное по обряду трупосожжения, в котором находились карельские овально-выпуклые фибулы, ножны ножа и другие вещи. Это наиболее древняя могила могильника, датируемая концом XII–XIII вв.

Большинство аналогий фибулам и другим элементам комплекса нагрудных украшений из могилы находятся на близко расположенном к Суотниemi могильнике Кекомьяки. На остальных могильниках и поселениях Карелии найдены лишь единичные аналогии.

На территории пос. Яркое на месте предполагаемого могильника раскопки проводились в 1980-х и в 1991 г. Раскопки затронули территорию двух холмов. На южном склоне Риихимьяки выявлена каменная вымостка с находками вещей XIII в., керамики и железных шлаков, а также следы средневекового поселения с очагом из камней, большим количеством железных шлаков и культовый камень с более чем 20 выемками. В 1991 г. раскопки в пос. Яркое продолжили на южном краю площадки соседнего холма Лейлумьяки. Найденная в раскопе керамика и вещи относятся ко времени от эпохи переселения народов до эпохи викингов и крестовых походов. Указывающие на эпоху меровингов и викингов датировки (в том числе и угля из очагов) говорят о постоянной заселенности этого места уже начиная с VI–VII вв. Следов погребений не выявлено. Речь, по-видимому, идет о поселении, культурный слой на котором формировался в течение продолжительного времени.

Северо-Западное Приладожье

Территория Северо-Западного Приладожья географически начинается с *острова Кильпола*, находящегося в Ладожском озере у побережья северной части Карельского перешейка. На острове, начиная с конца XIX в., сделаны многочисленные находки вещей эпохи крестовых походов, включая клад серебряных вещей в дер. Кильпола, расположенной на берегах залива, разделяющего остров на две части.

Новые исследования на острове были предприняты в 1992 г. Задача небольшой Российско-Финляндской исследовательской группы состояла в определении возраста Невы. Исследовались внутренние озера на острове, изоляция которых от Ладоги с возникновением Невы и связанным с этим падением уровня воды в озере видна в резкой смене донных отложений крупного водоема на донные отложения небольшого озера. Взятые со дна озер образцы датируются временем около 3300 лет тому назад, то есть по исторической хронологии рождение Невы приходится на начало эпохи бронзы. Спорово-пыльцевой анализ образцов донных отложений озера Суури Кокколампи показал, что прошло несколько столетий после возникновения Невы, прежде чем началось земледельческое освоение прилегающей к нему территории острова. Первые свидетельства занятий земледелием относятся к младшему римскому железному веку (200–400 гг. н. э.).

Примыкающая к Карельскому перешейку с севера часть Северо-Западного Приладожья отличается по характеру памятников и материальной культуре от Карельского перешейка. На этой территории практически не известны карельские грунтовые могильники XII–XIV вв. Редки находки предшествующей эпохи викингов. Большая часть обнаруженных могильников и могил относится уже ко времени развитого и позднего средневековья, фиксируя значительно возросшее количество населения к этому времени.

Среди находок эпохи крестовых походов на этой территории отсутствуют многие элементы традиционного женского карельского костюма XII–XIV вв. Нет в могилах также орудий труда и топоров карельского типа, характерных для могильников Карельского перешейка. Собственно карельские украшения представлены лишь находками овально-выпуклых фибул, копушек, двуспиральных и крестообразных цепедержателей. Неизвестны также захоронения в срубных деревянных рамах и камерах, как нет сведений и о коллективных могилах. Выделяется остров Кильпола, материалы памятников которого более близки материалам Карельского перешейка.

Куркиёки

На территории бывшего сельского прихода Куркиёки по берегам многочисленных характерных для этой части Северо-Западного Приладожья заливов, глубоко врезающихся в побережье, выявлено значительное количество археологических памятников различных эпох и собрана большая коллекция случайных находок. Из памятников эпохи крестовых походов и эпохи раннего средневековья наиболее известными следует назвать могильник Калмистомяки, городища Лопотти и Хямеенлинна. Ряд находок вещей XII–XIV вв. сделан также и в соседних с пос. Куркиёки населенных пунктах. В дер. Кууппала еще в 1866 г на берегу залива Хямеенлахти был найден клад серебряных монет XI в. На холме Калмистомяки нами исследован могильник с захоронениями от конца эпохи викингов (XI в.) до средневековья. Наиболее поздние инвентарные могилы относятся к XV в. На этом же склоне холма выявлены поселения эпохи каменного века, раннего металла и XIII в.

Городища района Куркиёк (*Хямеенлахти, Ранталиннамяки (Корписари), Лопотти, Яямяки и др.*) относятся к одному хронологическому и культурно-историческому горизонту, отчетливо представленному и другими памятниками этого региона. Археологически фиксируемые следы постоянного населения в этих местах появляются во второй половине эпохи викингов. В эпоху крестовых походов оно закрепляется и создает цельную поселенческую структуру со своими поселениями, могильниками, системой городищ, функции которых в отдельных случаях (Хямеенлахти) выходили за рамки оборонительных (ремесленное производство). Древние городища Северо-Западного Приладожья в целом составляют значимую часть в системе расселения всего этого региона, выделяя его среди других ранее рассмотренных поселенческих центров древней Карелии.

Поздние безинвентарные могилы на о-ве Кильпола, на холме Калмистомяки (Кууппала) и в целом ряде других деревень свидетельствуют, что поступательное развитие населения на этой территории продолжалось на тех же местах и с наступлением исторического времени.

Северное Приладожье

Археологические памятники района Сортавалы

Наиболее ранними находками железного века района Сортавалы являются овальное каменное кресало из неизвестного места и погребение VI в. на о-ве Риеккала (Нукутгалахти). Находки эпохи викингов более многочисленны. Следы постоянного населения на это время фиксируются в районе пос. Хелюля (могильник Хернемяки, городище Паасонвуори, дер. Лиикола).

Городище Паасонвуори располагается между гор. Сортавалой и пос. Хелюля примерно в 1 км к югу от места слияния рек Тохмаёки и Хелюлянеки у места сужения озера Лиикала. В 1978–1980 гг. на городище произвела раскопки С.И. Кочкуркина.

Подавляющая часть датированных находок представлена вещами карельских типов эпохи крестовых походов. Остальные ранние изделия датируются эпохой викингов. На городище Паасонвуори следы постоянного присутствия людей отчетливо фиксируются, по крайней мере, с XI в. Находки вещей эпохи крестовых походов перекрывают практически весь период 1050–1300 гг. Обстоятельства находок карельских украшений дают основание предполагать продолжение функционирования могильника на том же самом месте отчасти и в это время. По находкам рабочих инструментов и хозяйственных принадлежностей складывается картина существования поселения на Паасонвуори во второй половине эпохи крестовых походов или в раннем средневековье. Вопрос о дате начала его существования остается открытым.

В дополнение к рассмотренному выше городищу Паасонвуори на островах Ладожского озера в районе Сортавалы выявлен целый ряд городищ с укреплениями, но без культурного слоя. На наш взгляд, возникновение укреплений на большинстве из них следует относить к эпохе средневековья, конкретнее к XIV–XV вв., то есть, к периоду периодических обострений борьбы Новгорода со Швецией в Карелии.

Глава 6. Этапы развития населения древней Карелии и его культуры в эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.)

В эпоху крестовых походов Карелия оформляется как культурная область, процесс зарождения которой проходил неравномерно в разных ее частях. Ядром этой древней Карелии — Карельской земли древнерусских летописей — были плодородные земли по нижнему течению р. Вуоксы на Карельском перешейке и Северо-Западное Приладожье. В некоторых районах развитие поселенческой структуры происходило на основе более древнего населения. В других местах постоянное население возникает или закрепляется толь-

ко в эпоху крестовых походов. В центральных районах перешейка плотное заселение начинается ещё позднее и находит отражение уже в письменных источниках.

Расположение могильников в непосредственной близости от деревень, сам тип могильников и деревень (однодворные или малодворные деревни и им соответствующие небольшие родовые кладбища), форма и конструкция могил (деревянные срубные рамы и камеры, коллективные родовые захоронения) отражают изменившиеся формы расселения и хозяйственной деятельности. В конце XII–XIII в. поселения и могильники перемещаются к береговой зоне с благоприятными почвенными условиями для занятий земледелием и скотоводством. Возникает новая поселенческая структура, в основе которой была малодворная деревня. Эта структура оказалась настолько эффективной, что послужила основой формирования известных по Ореховскому миру 1323 г. и другим источникам четырнадцати карельских погостов. Это деление сохранялось на протяжении всего средневековья (переписные книги конца XV–XVI вв.) и в значительной степени отразилось в позднейшем делении на сельские приходы, в границах которых мы и рассматриваем археологические памятники.

Глубину перемен отражают также происшедшие в религиозных представлениях карел изменения, важнейшим из которых является переход от трупопожжения на древней дневной поверхности к грунтовым могилам. Перемена в погребальной обрядности произошла в относительно короткий срок — в конце XI – первой половине или середине XII в. В конце XII и в XIII в. появляются новые «классические» грунтовые могильники эпохи крестовых походов. К этому же времени относятся соответствующие им поселения. На этих же территориях известны жертвенные камни с выемками и культовые места. Археологические исследования показали, что культовые камни на п-ове Большом (Ховинсаари, Раммансаари), в пос. Яркое (Суотниemi) и в дер. Ольховка (Лапинлахти) использовались при отправлении культов и совершении приношений в эпоху крестовых походов и, по всей видимости, в средневековье.

В эту эпоху сложились предпосылки для возникновения городов, как центров населенной округи, ремесла и торговли. С течением времени часть из них развилась в укрепленные или административные центры. Самое позднее в XIII в. карелами были построены крепость Кякисалми (до постройки новгородцами Корелы в 1310 г.), Тиверский городок и Выборг (до 1293 г.), важнейшими функциями которых, наряду с выше упомянутыми, были контроль за судоходством по Вуоксе и его обеспечение. Это видно по тому, что Выборг и Кякисалми были поставлены в конечных точках Вуоксинской водной системы у её выходов в Финский залив и Ладожское озеро, а Кякисалми и Тиверский городок ещё и на узловых, сложных с точки зрения судоходства местах порогов. Городище Хямеенлинна в Куркиёках первоначально

возникло как ремесленный и торговый центр округа, который в конце XII – XIII в. был защищен валами, приобретая оборонительные функции. Городище Паасонвуори в районе Сортавалы становится укрепленным поселенческим центром, по-видимому, только во второй половине эпохи крестовых походов или в раннее средневековье.

Факт возникновения к концу XII–XIII в. на Вуоксе новой системы укреплений — племенных карельских центров: Кякисалми-Корела, Тиверский городок Выборг (до 1293 г.), ориентированных также на торгово-ремесленную деятельность, фиксирует этап сложения качественно нового национально-территориального образования — Карельской (Корельской) земли. Системообразующую роль в ней играла водная система Вуоксы, в бассейне которой и концентрировался основной массив средневекового населения.

Экономика и хозяйство населения древней Карельской земли

Земледелие. В карельских грунтовых могилах найдено значительное количество кос, серпов, мотыг, рабочих топоров и костей домашних животных (корова, лошадь, свинья, овца). Принято было считать, что наличие значительного количества рабочих топоров в подавляющей части мужских погребений означало ведущую роль подсеки в земледелии. Имеющийся у нас в наличии материал дает основание утверждать, что на Карельском перешейке в XIII в., как и в остальных соседних районах Новгородской земли, получило распространение пашенное земледелие. Именно в это столетие в Карелии стали возникать небольшие постоянные поселения с прилегающими к ним полями и другими сельскохозяйственными угодьями. Из злаковых культур в это время культивировались рожь, овес и ячмень. Пшеницу высевали в центральной части Карельского перешейка. В ходе проведенных в последнее десятилетие палеоэкологических исследований выяснилось, что следы ранних опытов занятий земледелием относятся к римскому железному веку и эпохе меровингов. Однако ведущей формой экономики оно становится лишь начиная с XI в.

Скотоводство является, пожалуй, наименее изученной темой. Найденные на поселениях, в культовых каменных насыпях, у культовых камней и в могилах кости домашних и диких животных ещё ждут своего исследователя. Здесь обнаружены кости коровы, лошади, овец, коз и свиней. Из найденных в Новгороде берестяных грамот знаем, что налоги в Карелии платили также и шерстяными тканями. Остатки шерстяных тканей встречены и в карельских грунтовых могилах эпохи крестовых походов. Кости домашних животных в большом количестве найдены также при раскопках в крепости Корела и в нижних слоях древнего Выборга. Лошади из Карелии были хорошо известны и ценимы в Новгороде. К примеру, в берестяной грамоте № 266 из слоя 1369–1382 гг. предлагается взять в дорогу «кони карельские».

Охота, рыболовство, промысловая деятельность в древней Карелии были, наряду с земледелием и скотоводством, существенными статьями не

столько дохода, но и как средство постоянной (иногда сезонной) деятельности. Свидетельства этому известны по письменным источникам. Часть шкурок куницы, бобра, нерпы и белок уходила на оплату даней, но часть свободно продавалась или менялась на различные товары у сборщиков налогов. В Задней (Приладожской) Карелии охота и промыслы играли ещё более важную роль в экономике; подати здесь платили от «лука», то есть продуктами охоты, а не земледелия, как на Карельском перешейке. В Карелии в средневековье исключительно важным промыслом было рыболовство. Хорошие рыбные ловли и места нереста были достойны упоминания в мирных и торговых договорах между Новгородом и Швецией (Ореховский мирный договор 1323 г., земельные и другие акты XV в.). Также и из текстов новгородских берестяных грамот становится очевидным, насколько важным промыслом была рыбная ловля (грамоты № 259, 260, 280). Роль рыбной продукции как важнейшей статьи в торговле конца эпохи язычества и в раннее средневековье подчеркивается материалами раскопок 1970–1990-х гг. в крепости Корела и 1999–2004 гг. в Выборге, в ходе которых в нижних слоях середины XIII–XV в. были найдены многие десятки поплавок из сосновой коры и грузил от сетей.

Ремесло карел представлено находками инструментов и многочисленных изделий ремесленников из могил и культурных слоев поселений. Остатки кузниц найдены на холме Тонтинмяки в Ховинсаари, в Хиитола и в дер. Кууппала в Куркиёках. В могиле 2 на могильнике Кекомьяки были инструменты кузнеца. К эпохе крестовых походов карельские ювелиры достигли высокой степени специализации в изготовлении украшений карельского женского костюма. Ювелиры использовали для их украшения зооморфный, растительный, ленточный, ракообразный, спиральный и другие орнаменты, демонстрируя хорошее знание материала и используя все стилиевые возможности орнаментальных мотивов и различную технику. По манере проводить линию и по самим орнаментальным мотивам можно определить «почерк» конкретного мастера и изделия одной кузницы и тем самым выявить территорию распространения украшений, рынки сбыта.

Картирование распространения украшений карельских типов XII–XIV вв. показывает, что определенные формы вещей распространялись в большей части на ограниченной внутри конкретной общины территории, часть же имела более широкое распространение. По распространению традиционных карельских украшений можно заключить, что на территории древней Карелии существовало несколько центров их производства. Различия проявляются в вариантах и орнаментации общих для всей территории Карельской земли типов украшений, составляющих сложившийся к XII–XIII вв. «национальный» убор карельского женского костюма.

Проявляющиеся в археологическом материале профессиональное умение карельских кузнецов и их уровень технической подготовки указывает на существование определенных «школ», в рамках которых этот уровень мастер-

ства достигался. Такими школами ремесла были развившиеся в торгово-ремесленные центры укрепленные городища Карелии: Кякисалми — Корела, Тиверский городок, городище Хямеенлахти в Куркиёках, Паасонвуори в Сортавале. При раскопках этих укрепленных торгово-ремесленных поселений обнаружен богатый материал по связанной с обработкой металла производственной деятельности.

В распространении вещей карельских типов выделяется ближайший к центру древней Карелии Кякисалми — Кореле (с 1310 г.) район озера Вуоксы. По всей видимости, у проживающих на выгодных водных путях и плодородных землях нижнего течения Вуоксы были лучшие возможности приобретать себе дорогие украшения.

Полагаем, что высокая культура изготовления бронзовых и серебряных украшений развилась в среде местных карельских ремесленников. Эти мастера уже в эпоху викингов приобрели навыки работы с металлом, копируя ставшие популярными в Балтийском регионе формы украшений. Для наступления следующего этапа создания собственной карельской культуры требовались лишь необходимая степень экономического и социально-культурного развития. Это стало возможным в Карельской земле в XII–XIII вв.

Торговля карел. Карелы участвовали в качестве посредников в европейской пушной торговле еще во время до рождения собственно карельской культуры во второй половине XII–XIII в. В XI в. на Балтике возникла благоприятная ситуация для развития торговли. Внешняя конъюнктура дала возможность карелам участвовать в торговле в масштабах всего Балтийского региона, активными участниками которой в XI–XII вв. были Готланд и Новгород. Именно этим временем (вторая половина XI в.) датируются найденные в Карелии монетные и монетно-вещевые клады. По своему составу они близки древнерусским. Карелия, следовательно, входила в зону монетного обращения Древней Руси. Монетное серебро поступало в Приладожскую Карелию с юга через Старую Ладугу и Новгород. За пушнину также приобретались мечи, наконечники копий, топоры и украшения. Они были либо западноевропейского (оружие), либо скандинавского, западнофинского или общепалтийского (украшения) происхождения. Во второй половине эпохи викингов увеличивается количество общепалтийских и западнофинских украшений в материале находок. У части найденных на Карельском перешейке вещей нет конкретной привязки; они на рубеже эпохи викингов и крестовых походов широко распространились в Северной Европе, Прибалтике и Древней Руси. Изделия готландского ремесла: серебряные броши, кольцевидные фибулы, филигранные бусы и плетеные цепочки — являются заметной частью карельской культуры эпохи крестовых походов. Они получили также широкое распространение во всем Балтийском регионе.

Карелия была одним из факторов международной торговли на Балтике и, находясь географически между Новгородом и странами Балтийского побере-

жья, формировала своего рода один из углов этого треугольника. В этой системе Новгород был не только серьезной экономической силой, но и своеобразным посредником, поскольку многие иноземные товары и большая часть монетного серебра поступала в Приладожскую Карелию и далее вплоть до Северной Финляндии через Новгород.

Карелы на севере и во внутренних областях Финляндии. Обширные территории на север от Карельского перешейка входили в средневековье в состав новгородских земель. Значительная их часть осталась за Новгородом и после подписания Ореховского мирного договора со шведами в 1323 г. Из договора со Швецией 1323 г., мирного договора 1326 г. Новгорода с Норвегией и древнерусских летописей становится очевидным, что обширные северные области вплоть до Кольского полуострова были карельской промысловой зоной. В берестяных новгородских грамотах XIV и начала XV в. встречаются упоминания о карелах, которых послали на Каяно море (№ 286). Отраженные в берестяных грамотах события во внутренних областях Карелии это главным образом пограничные стычки между карелами и саволаксами (№ 248, 286, 249). В них упоминаются насильно отобранные товары и рыба, но отсутствуют известия о деревнях, продуктах сельского хозяйства, домашнем скоте. Создается впечатление, что в Северной Карелии в XIV в. ещё не было постоянного деревенского расселения.

Расположенные на Севере территории Внутренней и Северной Финляндии входили в зону стратегических интересов карел на протяжении всей эпохи крестовых походов и средневековья. Их активность в Финмаркене в XIII–XIV вв. подтверждается разнообразными письменными источниками, в том числе договорами между Новгородом и Норвегией об обложении данью лопарей на спорных территориях. Археологические следы пребывания карел отыскиваются даже в Шведской Лапландии и в Северной Финляндии.

В новгородских берестяных грамотах в качестве карельских привозных товаров упоминаются меха куницы, белки и лосось (№ 259, 260, 278, 280, 403). Упоминаются также лошади и мясо северных оленей (№ 266, 275). Часть полученной оплаты за ценные меха и другие продукты охоты и промыслов возвращалась в Карелию в виде серебряных монет, серебра или изделий из серебра и других металлов. В новгородских берестяных грамотах полученные из Карелии товары оцениваются в рублях (например, № 249, датированная концом XIV в.). В составе клада на Тиверском городке было пять обрезков новгородских серебряных гривен.

Расцвет и утрата целостности и независимости. Новым явлением в Карелии стало возникновение городских центров, в которых концентрируются торговля и ремесленная деятельность. Карелия всё в большей степени вовлекается в рыночные отношения Новгородской земли. Самобытность карельской культуры в городских условиях теряется; в слоях Корелы второй по-

ловины XIV в. большая часть находок представлена изделиями новгородского городского ремесла.

Мы имеем полное основание в итоге утверждать, что для карел на всех этапах их истории торговые и внешние связи в целом имели важное значение для развития их экономики и культуры. Население древней Карелии на своей традиционной территории на всём протяжении позднего железного века и эпохи крестовых походов имело возможность почти без препятствий и в выгодных природно-географических условиях развивать своё хозяйство и культуру. Ещё в средневековье на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии возникало много новых деревень. Другими словами, археологический материал XIV в., как и переписные книги 1500 г. и XVI в. свидетельствуют, что местные природные ресурсы на территории Древней Карелии не были исчерпаны до конца и рост населения еще не достиг своей критической точки.

Из письменных источников исторического времени известно, что после того как Швеция завоевала западную часть Новгородской Карелии, Новгород усилил свою административную власть в Карельской земле. В конце XIII–XIV в. Новгород управлял Карелией и другими пограничными землями через князей, которые получали в наместничество целые области или их части. Судьба карел отныне зависела не от их собственных усилий, а от двух борющихся между собой средневековых государств.

Глава 7. Древняя Карелия и соседние территории Карелия и Саво (к вопросу о происхождении населения Саволакского погоста)

Возникновение первых постоянных могильников в области Саво в Восточной Финляндии (Кюккюля и Мойсио у г. Миккели) приходится на конец IX–X в. Подавляющая часть вещей, найденных в составе погребений и случайно, представлена вещами западнофинского облика. Происходят они из области Хяме и более западных областей Финляндии. Причем среди них нет парадных изделий, получивших распространение в густо населенной к этому времени Западной Финляндии. Видимо, в земледельческом освоении Восточной Финляндии участвовали, как и в торговле с коренным населением, рядовые члены земледельческих общин из Западной (сумь) и Центральной (емь) Финляндии и практически отсутствовали дружинные элементы. По-видимому, этим объясняется и отсутствие крупных кладов, характерных для Западной и Северной Финляндии, а также Приладожской Карелии.

Ситуация меняется ко времени наступления эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.). Следует отметить, что в Саво вещи эпохи викингов встречаются достаточно равномерно в южной, центральной и северной частях этой исторической провинции, в то время как находки эпохи крестовых походов концентрируются в южной части. Также область распространения могильников сократилась до районов Миккели и Лаппеенранта.

Культура населения восточно-финской области Саво в эпоху крестовых походов была сходной с карельской. Принято было считать, что население Саво (Саволак — один из трех переданных Новгородом по Ореховскому миру 1323 г. Швеции западных карельских погостов) ведет свое происхождение от переселенцев с Карельского перешейка. В настоящее время признается, что население эпохи крестовых походов является прямым продолжением существовавшего здесь с эпохи неолита аборигенного населения при некоторой доле переселенцев с запада, продвинувшихся в Восточную Финляндию из области Хяме уже в эпоху меровингов и викингов, а также карел, переселившихся в район Миккели начиная с XII в.

Детальный анализ всего комплекса находок украшений карельских типов наглядно свидетельствует, что население района Миккели в эпоху крестовых походов выработало свой вариант карельской культуры со своими местными особенностями. Имеется целый ряд вариантов «карельских вещей» практически из всех категорий украшений, которые были распространены только в Саво или исключительно на территории ядра Карельской земли на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье. Как «карельские» формы украшений в Миккели, так и «саволакские» в Карелии не формируют самостоятельных групп. «Карельские» формы украшений в Саво и «саволакские» в Карелии, также как и общие для обеих территорий, выявлены на всей населенной к тому времени области в Карелии и Саво и свидетельствуют о регу-

лярных и интенсивных связях между рассматриваемыми областями во всё время существования карельской культуры эпохи крестовых походов.

Различия проявляются и в погребальном обряде грунтовых могил эпохи крестовых походов района Миккели при сопоставлении с собственно карельскими могилами Карельского перешейка. Наиболее наглядными из них являются отсутствие деревянных срубных рам и погребальных камер с коллективными захоронениями на могильниках и предметов вооружения, орудий труда и глиняных горшков в могилах. На могильниках Тууккала и Висулахти в Миккели погребенные (рассматриваются лишь инвентарные могилы) были положены в могилы с преобладающей западной ориентировкой или близкой к ней. В то время как в Карелии могилы были ориентированы по линии север–юг или близкой к ней. Все эти особые черты свидетельствуют о том, что и религиозные представления жителей района Миккели отличались своеобразием.

Поэтому представляется неверным утверждение о заимствовании населением области Саво карельской культуры в XII в. или её переносе новым карельским населением. Более обоснованным, на наш взгляд, является представление об общей карельско-саволакской культурной области. Более того, имеются основания полагать, что именно в области Миккели возникло избыточное давление населения, поскольку на этой территории, как и в целом в регионе южного Саво проблемой уже в средневековье и, особенно в более позднее время, было ограниченное количество пригодных для земледелия земель.

Древняя Карелия и Ижорская земля

На большой, протянувшейся от Карельского перешейка до р. Нарова территории, заселенной корелой, ижорой и водью, в XII–XIII вв. развивались свои, относительно близкие формы материальной культуры, при том, что погребальная обрядность была различной: корела и ижора хоронили своих умерших в грунтовых могилах, а водь — под курганной насыпью.

Происшедшие в XII в. изменения вызваны в значительной степени экономическими причинами и, прежде всего, развитием земледелия, резко увеличившим возможности демографического роста населения. Привлекательные в земледельческом отношении и богатые запасами железных руд земли Ижорского плато влекли сюда и новое население из более южных областей Новгородской земли. Отсюда и характерный для славянского населения курганный обряд погребения и значительное количество вещей новгородских типов. Среди украшений прибалтийско-финских типов в курганах и грунтовых могилах встречаются и карельские. Обращает на себя внимание, что наибольшая часть карельских украшений найдена в бассейне связанной с Невой р. Ижоры, где нет курганов, и в центральной и западной части курганного ареала.

К востоку от Ижорской возвышенности карельское влияние более ощутимо. В Южном Приладожье неподалеку от крепости Орешек в деревне

Мишкино обнаружено женское погребение с карельским инвентарем. В Пупышево найден целый ряд карельских и древнерусских изделий, относящихся главным образом к XIII в. Этот могильник обоснованно связывают с приладожской лопью, известной по средневековым письменным источникам. При раскопках в Орешке в слоях XIV–XV вв. обнаружены три карельские овално-выпуклые фибулы, декоративный двуспиральный цепедержатель и бронзовая рукоять ножа.

Влияние карельской культуры достигло территории проживания води и ижоры в тот исторический момент, когда плодородные земли Ижорского плато были освоены, и там укоренилась культура, в которой славянские и прибалтийско-финские элементы дополняли друг друга. Карельское культурное влияние и возможное переселение небольших групп карел на рассматриваемую территорию не оказало существенного влияния на поселенческую структуру и картину развития культуры: подавляющая часть вещевого материала из курганов представлена общими финно-угорскими и славянскими типами.

При многих общих чертах культуры населения рассматриваемой зоны историческая судьба корелы кардинально отличается от судеб води и ижоры. Карельские земли до XIV в. не были объектом новгородской крестьянской колонизации и организованного налогообложения. Да и позднее состав населения здесь существенно не изменялся. Карелы к XII в. сформировали свою самобытную культуру, в которой не было места для посторонних заимствований. Имеются основания утверждать, что в каждом поселенческом центре (в отличие, скажем от води, где многое определялось поставками продукции новгородских ремесленников) сформировались к XII в. свои варианты женского костюма.

Древняя Карелия и Олонецкий перешеек

Археологические памятники Олонецкого перешейка позднего железного века стали известны после раскопок В.И. Равдоникаса в 1929–1930 гг. и Э. Кивикоски в 1943 г. Особое внимание было уделено низким погребальным насыпям по рекам Видлица и Тулокса, в которых погребенные были захоронены внутри деревянных срубных рам. Погребальный инвентарь представлен типичными для курганной культуры Юго-Восточного Приладожья изделиями, но в то же время в нем имеются характерные для карельской культуры западного берега Ладожского озера вещи. В.И. Равдоникас считал, что курганы Видлицкого типа представляют собой промежуточную форму между собственно курганами и грунтовыми могилами. На основании своих исследований он представил гипотезу происхождения карел, согласно которой предки карел переселились из Юго-Восточного Приладожья на западный берег озера через Олонецкий перешеек. Курганы Видлицкого типа оставлены переселившимся с юго-восточного берега на северо-западный берег Ладожского озера населением. Подобные мысли о происхождении карел ранее высказывал

А.М. Тальгрэн (1916). Э. Кивикоски (1944) также не исключала возможность переселения с восточного берега Ладоги.

С.И. Кочкуркина (1973) считает, что выделенные В.И. Равдоникасом специфические черты Видлицких курганов не могут служить достаточным основанием для миграционной теории. А.М. Спиридонов (1987) появление новых элементов в местной погребальной обрядности объясняет приходом нового населения на северо-восточный берег Ладоги и на Онежское озеро с южных районов Приладожской курганной культуры и Верхней Волги. Это пришлое население стало в XI в. господствующим в бассейне рек Видлица и Тулокса.

По нашему мнению, курганы Видлицкого типа бесспорно относятся к миру Приладожской курганной культуры. На Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье в X–XI вв. господствовал погребальный обряд трупопожжения на сооруженной на древней дневной поверхности каменной вымостке. Этот погребальный обряд означает, что эта часть Приладожья была включена в западнофинскую культурную область, в то время как археологические культуры Олонецкого перешейка и Юго–Восточного Приладожья испытывали влияние из области Верхней Волги. Граница между этими соседними культурами была не только границей между двумя родственными древнекарельской и древневепской областями; между пос. Салми и р. Видлицей на восточном побережье Ладожского озера в позднем железном веке и раннем средневековье сформировалась граница между двумя различными культурными областями.

«Карелизация» населения Олонецкого перешейка и рождение Олонецкой Карелии относится уже к процессам исторического времени, на которые помимо переселения населения влияли также изменившиеся демографические, языковые и в немалой степени экономические условия на плодородной земледельческой равнине южной части Восточного Приладожья.

Древняя Карелия и Новгород

Корела и Новгород — тема традиционная для российской историографии. В то же время карельская тематика продолжает оставаться на периферии связанных с Новгородом исследований, невзирая на то, что при раскопках новгородской экспедиции найдены также и предметы украшения карельских типов. Их анализ в литературе носит общий характер. Детали в орнаментальном оформлении вещей, ареал распространения, как и прямые аналогии в Карелии, подробно не рассматриваются. В то время как для более полного раскрытия темы взаимоотношений Новгорода с Карелией важно также привлечение собственно карельских материалов с территории Карельского перешейка. В свете достаточно многочисленных находок из Новгорода и Новгородской земли важно представлять, как и происходило внутреннее развитие на периферийных территориях, к каковым относится и Карельская земля, и как на этой основе можно трактовать присутствие изделий карельского ремесла в Новгороде.

Пример находок в Новгороде наглядно демонстрирует интенсивность внешних связей карел в этом направлении. В Новгороде вообще найдено чрезвычайно большое количество предметов прибалтийско-финских типов XII–XIII вв. Среди вещей находятся и карельские. Они представлены практически всеми металлическими составляющими женского костюма. Наибольшее количество перечисленных вещей обнаружено на Неревском и Троицком раскопах. Вещи по раскопам распределяются достаточно равномерно. Карелы, следовательно, постоянно проживали в городе. О статусе карел в Новгороде и связях между Карелией и Новгородом рассказывают берестяные грамоты, одна из которых написана на карельском языке (№ 292). В 1269 г. князь Ярослав собирался в военный поход на корелу, но новгородцы «умолиша не ити на корелу». Полки были отосланы назад. Этот эпизод подчеркивает, насколько важны были и для новгородцев связи с корелой. Берестяные грамоты XIV в. уже свидетельствуют, что связи с Карелией, в данном случае речь идет о торгово-экономических, были налажены на постоянной основе и концентрировались в руках отдельных влиятельных боярских родов.

Прямые археологические свидетельства контактов между Карелией и Новгородом относятся ко времени не ранее середины XIII в., что вполне согласуется с летописными известиями, согласно которым корела лишь со времени около 1270 г. стала «волостью» Новгородской земли. Более ранние известия о карельско-новгородских связях (например, под 1143, 1149, 1191 и 1240 г.) говорят о наличии в тот период тесных и, вероятно, взаимовыгодных военно-союзнических отношений. Есть ещё одна заслуживающая внимания область совместной с новгородцами деятельности в рассматриваемое время, а именно сбор дани с лопарей на Севере, где карелы зачастую вступали в конфликты с норвежцами. Однако последние уладили их путем переговоров и подписания соглашений с Новгородом в 1251–1252 и 1336 г.

Влияние Новгорода в Карелии проявляется, прежде всего, в заимствовании местными ремесленниками различных технологических приемов (одинаковые медные сплавы, такая же технология изготовления ножей и т. д.), а также в импорте серебра и некоторых вещей (монетные гривны, ромбошитковые и многобусинные височные кольца, подвеска-медальон с изображением «процветшего креста», кресты нательные и иконки, другие предметы христианского благочестия) и в распространении славянской керамики.

Лишь с постройкой Корелы в 1310 г. (как ответ на захват шведами Западной Карелии и постройки ими Выборгского замка в 1293 г.) и общим усилением административной власти (назначение наместника), новгородское влияние стало все более отчетливо проявляться также в материальной и духовной культуре Карелии.

В *Заключении* в краткой форме подведены основные итоги исследования. В нем рассматривается возникновение и развитие карельской культуры

XII–XIV вв., её особенности и степень влияния на её формирование внешних факторов, становление поселенческих центров, внутренние и внешние предпосылки, повлиявшие на процесс образования Карельской земли.

Приложения состоят из сравнительных таблиц по характерным признакам погребального обряда и инвентаря могил, наглядно демонстрирующих характерные признаки карельской культуры XII–XIV вв. и разделение могил на хронологические группы по признакам погребального обряда и инвентаря погребений. В таблицах также в наглядном виде показано выраженное в типах и вариантах традиционных карельских украшений различие между погребальными памятниками древней Карелии и Саво (Саволакского погоста Новгородской карельской земли), свидетельствующее о самостоятельном развитии вариантов общей для этих областей культуры.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии

1. Rautakautinen Karjala. Muinain-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // *Studia Carelica Humanistica* 11. — Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1998. — С. 258.

Статьи

2. Древности Карельского перешейка по археологическим данным // Вопросы угроведения. Тезисы докладов. — Сыктывкар: Наука, 1979. — С. 75–76.
3. Разведочные работы Приозерского отряда // Археологические открытия 1978 г. — М.: Наука, 1979. — С. 30–31.
4. Исследование средневековых памятников на Карельском перешейке // Археологические открытия 1980 г. — М.: Наука, 1981. — С. 30.
5. Древности Карельского перешейка (по материалам карельских могильников) // Краткие сообщения института Археологии Академии наук СССР. Вып. 166. 1981. — С. 51–56.
6. Археологические памятники Карельского перешейка конца I — начала II тыс. н. э. // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Тарту: Ээсти раамат, 1982. — С. 194–195.
7. Комплекс археологических памятников в д. Ольховка (Лапинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. — Л.: Наука, 1984. — С. 112–117.
8. Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным) // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Л., 1984. — С. 1–20.
9. Работы Приозерского отряда // Археологические открытия 1983 г. — М.: Наука, 1985. — С. 29–30.
10. Древности карел на современном этапе исследования // Новое в археологии Прибалтики и на соседних территориях. — Таллинн: Ээсти раамат, 1985. — С. 108–118.
11. Исследование средневековых памятников на Карельском перешейке // Новое в археологии Северо-Запада СССР. — Л.: Наука, 1985. — С. 81–84.
12. Исследование археологических памятников Северо-Западного Приладожья и пути его интенсификации // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. — М.: Наука, 1987. — С. 224–225.
13. Исследования Ленинградской областной экспедиции // Археологические открытия 1987 г. — М.: Наука, 1988. С. 24–26 (совместно с В.А. Лапшиным).

14. Средневековая корела (к вопросу о происхождении этнической общности) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. I. — М.: Наука, 1989. — С. 94–97.
15. Финляндия в позднем железном веке // II Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — М.: Наука, 1989. — С. 172–173.
16. 100 лет археологического изучения корелы // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. — Л.: Изд-во Гос. музея этнографии народов СССР, 1990. — С. 22–30.
17. Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетий н. э. // Краткие сообщения Института Археологии Академии наук СССР. Вып. 200. 1990. — С. 83–88.
18. Финляндия и Карелия в позднем железном веке // *Congressus Septimus internationalis. fenno-ugristarum. Summaria dissertationum.* Debrecen, 1990. — S. 200.
19. Корела // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. 2. — М.: Изд-во Института археологии АН СССР, 1990. — С. 68–82 (совместно с В.А. Тюленевым).
20. Из истории древнего населения области по данным археологии // Мы живем на одной земле. Население Ленинградской области. СПб., 1992. — С. 61–71.
21. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. — СПб.: Наука, 1992. — С. 64–74 (совместно с А.Н. Кирпичниковым, В.А. Назаренко, В.Я. Шумкиным).
22. Древняя Ладога и человек на ее берегах // Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения «Щегрен — академик Императорской Академии наук. К 200-летию со дня рождения». Тезисы докладов. — СПб., 1993. — С. 27–29 (совместно с М. Саарнисто и Ю.-П. Таавитсайненым).
23. Корела — Кякисалми как этап освоения реки Вуоксы // Приозерск–Кексгольм–Кякисалми в истории России и Финляндии. К 700-летию основания города. — СПб.: Европейский дом, 1994. — С. 8–10.
24. Международные исследования на Карельском перешейке в Приладожской Карелии // Археологические изыскания. Вып. 14. — СПб.: ИПК «Вести», 1994. — С. 101–104.
25. Северная (Финская) Карелия: формирование этно-культурного ареала // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. — Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1994. — С. 63–65.
26. Древние жители Куппалы — свидетели этапов истории Ладоги // Вопросы геологии и археологии. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. — С. 75–77 (совместно с М. Саарнисто и Ю.-П. Таавитсайненым).
27. Равдоникас и Финляндия — забытые страницы сотрудничества // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения

- В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. — С. 5–8.
28. Северные прибалтийско-финские племена в эпоху Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. — СПб.: Европейский дом, 1995. — С. 114–122.
  29. Тальгрэн и русская археология по материалам переписки // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. — СПб.: Европейский дом, 1996. — С. 27–34 (совместно с Ю.-П. Таавитсайненым).
  30. Исследования на северо-западном побережье Ладожского озера // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. — СПб.: ИПК Вести, 1996. — С. 52–55 (совместно с В.И. Тимофеевым).
  31. Карелия и Ладожская область в I – начале II тыс. н. э. // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб., 1996. — С. 15–17.
  32. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 23–25 января 1996 г.). Вып. 10. — Новгород: Изд-во Новгородского гос. объединенного музея заповедника, 1996. — С.187–194 (совместно с В.Л. Яниным).
  33. Поздняя и постгляциальная история озер Карельского перешейка // Первый международный симпозиум по изучению Ладожского озера. / Гидрография 322. 1996. — С.119–204 (совместно с Н.Н. Давыдовой, Х.А. Арслановым, В.И. Хомутовой, И.И. Красновым, Д.В. Малаховским, М. Сартнисто, Д.А. Субетто).
  34. Город Корела — центр приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. — С. 179–185.
  35. Древняя Карелия в IX–XIII веках // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. — СПб.: ИПК Вести, 1997. — С. 95–96.
  36. Первые русско-финские города // *Austrveg* 3. 1997. — С. 27–28 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
  37. Поселенческие центры как фактор расцвета Карелии в X–XIV вв. // Поселения: среда, культура, социум. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. — С. 157–160.
  38. Археологическое наследие древней корелы // Культурное наследие Российского государства. — СПб.: ИПК Вести, 1998. — С. 64–72.
  39. К вопросу о заселении Приладожской Карелии в позднем железном веке // Ладога и эпоха викингов. — СПб., 1998. — С. 20–25.

40. Итоги изучения карельских крепостей эпохи средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. — СПб.: ИПК Вести, 1999. — С. 192–205.
41. Археологическое наследие древней корелы // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. — СПб.: ИПК Вести, 2000. — С. 121–129.
42. Формирование культуры карел железного века — хронология процесса и факторы воздействия // World Congr. For Central and East Europ. Studies; 6. Tampere, 2000. — С. 368–369.
43. История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. // Очерки исторической географии. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. — С. 257–271.
44. Средневековая корела. Формирование этнической и культурной общности (Корельская земля новгородских летописей) // Вуокса. Вып. 2. Т. 1. — Санкт-Петербург: Изд-во «Б&К», 2001. — С. 95–112.
45. Выборг и Карельская земля // Культура, образование, история Ленинградской области. — СПб.: ИПК Вести, 2002. — С. 76–79.
46. Древняя Карелия и Новгород // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. — СПб.: ИПК Вести, 2002. — С. 88–92.
47. Средневековая Корела: формирование этнической и культурной общности // Программа спец. курсов по археологии. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. — С. 80–84.
48. Выборг — город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. — СПб.: ИПК Вести, 2002. — С. 150–164.
49. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. — С. 134–144 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
50. Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии: Сб. науч. трудов. — Калининград: Изд-во Калининградского гос. университета, 2003. — С. 129–140 (совместно с С.В. Бельским, А.В. Курбатовым, Н.Ю. Поляковой).
51. Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Страницы Выборгской истории. — Выборг: Европейский дом, 2004. — С. 569–584.
52. Древняя Карелия в эпоху железного века (к вопросу о происхождении летописной корелы) // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2006. — С. 282–307.
53. Карельский перешеек — формирование природного и историко-географического ландшафта // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. — С. 35–44.

54. Новгород, Карелия и Ижорская земля в эпоху средневековья // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 15–17 ноября 2005 года. — Новгород: Изд-во Новгородского гос. университета, 2006. — С. 15–28.
55. Хозяйство и ремесло населения древней Карельской земли // Российская археология. № 3. 2006. — С. 63–74.
56. Medieval Karelia on European trade routes // *Iskos* 4. Helsinki: «Vammalan kirjapaino Oy», 1984. — S. 93–97.
57. The medieval Korela (the question of the origins and formation of the ethnic community) // VI Международный конгресс финно-угроведов. Т. 4. Этнография. Археология. Антропология. — Сыктывкар: Наука, 1985. — С. 157.
58. Results and perspectives of archaeological studies on the Karelian Isthmus // *Fennoscandia archaeologica* 2. — Helsinki: «Gummerus», 1985. — S. 37–49.
59. Kakisalmen linna 1200-luvulta // *Geologi* 42. 1990. — S. 65–68 (совместно с Т. Kankainen, М. Saarnisto и J.-P. Taavitsainen).
60. On the study of ancient Karelian craft centers // *Iskos* 9. — Helsinki: «Vammalan kirjapaino Oy», 1990. — S. 69–73.
61. Kakisalmen maasta esiin kaivettu historia // *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita* 10. — Lahti: «Etelä-Saimaan Kustannus Oy», 1992. — S. 5–17.
62. The pollen data of the cultural layer of the wooden fortress of Kakisalmi, dated to approx. AD 1200–1700 // *Annales Botanici Fennici* 29/3. Helsinki, 1992. — S. 187–196 (совместно с Т. Lempiäinen, I. Vuorela и М. Saarnisto).
63. Karelia and the West Finnish cultural area in the Late Iron Age // *Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs*. — Tallinn: «Varrak», 1992. — S. 96–105.
64. Karjala ennen kolnatta ristiretkea // *Suomen varhaishistoria. Studia historica septentrionalia* 21. — Rovaniemi: «Gummerus», 1992. — S. 468–479.
65. Arkeologiset tutkimukset Kannaksella ja Karjalassa // *Karjalainen viesti* 2. Joensuu, 1992. — S. 7–10.
66. On the factors influencing the formation and development of Karelian culture between the eleventh and thirteenth centuries // *Fenno-ugri et Slavi*. — Helsinki: «Gummerus», 1992. — S. 98–104.
67. Deglaciation of Karelian Isthmus: the Vuoksi system and its role in Lake Ladoga evolution. 1st Intern // *Lake Ladoga symposium, Abstracts*. Санкт-Петербург, 1993. — S. 43 (совместно с Х.А. Арслановым, Н. Давыдовой, В. Хомутовой, И.И. Красновым, Д. Малаховским, Д.А. Субетто, М. Saarnisto).
68. Results and perspectives of archaeological investigations at the castle of Kakisalmi/Kexholm // *Castella Maris Baltici*. — Stockholm: «Almqvist & Wiksel International», 1993. — S. 213–217 (совместно с Р. Uino).

69. On early agriculture in the archipelago of Lake Ladoga // *Fennoscandia archaeologica* XI. — Helsinki: «Gummerus», 1994. — S. 29–40 (совместно с J.-P. Taavitsainen, L. Ikonen).
70. Rautakautinen Karjala — Karjalan synty // *Studia Carelica Humanistica*. T. 5. — Tampere: «Tammer-Paino Oy», 1994. — S. 29–45.
71. Rautakautinen Karjala — Karjalan synty // *Kahden Karjalan valilla Kahden Riikin riitamaalla / Studia Carelica Humanistica* 5. — Joensuu: «Tammer-Paino Oy», 1994. — S. 29–45.
72. 1200-luvun lopun raadiohiiliajoitus Viipurista // Suomen keskiajan arheologian seura (SKAS). 3/2003. Turku, 1994. — S. 15–20 (совместно с Matti Saarnisto, J.-P. Taavitsainen).
73. Land-use history on the Karelian Isthmus — a project outline // *Fennoscandia archaeologica* XII. — Helsinki: «Gummerus», 1995. — S. 35. (совместно с E. Grönlund, H. Simola, J.-P. Taavitsainen).
74. The Early History of the Fortress of Kakisalmi, Russian Karelia — Archaeological and Radiocarbon Evidence // *Fennoscandia archaeologica* XII. — Helsinki: «Gummerus», 1995. — S. 41–47 (совместно с T. Kankainen, P. Uino).
75. Late- and postglacial history of lakes of the Karelian Isthmus // Abstracts of the first international Lake Ladoga Symposium 1993/ Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. № 112. Joensuu, 1995. — S. 199–204. (совместно с X. Арслановым, Н. Давыдовой, И. Красновым, Д. Малаховским, Д. Субетто, М. Saarnisto).
76. The early history of the fortress of Kakisalmi, Russian Karelia, as evidenced by new dendrochronological dating results // *Fennoscandia archaeologica* XII. — Helsinki: «Gummerus», 1995. — S. 215–220 (совместно с P. Zetterberg, P. Uino).
77. Ancient history of the population of the present-day Leningrad Region // Karelia and St. Petersburg. — Joensuu: «Gummerus», 1996. — S. 27–37.
78. Karjalaiset ja inkeroiset — laheisia sukulaiskansoja? // *Historia fenno-ugrica* I:1. *Congressus primus historiae fenno-ugricae*. — Oulu: «Gummerus», 1996. — S. 513–518 (совместно с О.И. Коньковой).
79. The history of environment and development of agriculture on the Karelian Isthmus and NW Ladoga region: a palaeoecological and archaeological study // *Congressus octavus internationalis fenno-ugristarum, Pars VII*. — Jyväskylä: «Gummerus», 1996. — S. 371–376 (совместно с E. Grönlund, H. Simola, J.-P. Taavitsainen, L. Kivinen, K. Tolonen).
80. Uudemmat arkeologiset tutkimukset Kurkijoella Laatokan Karjalassa // *Karjalainen Viesti* 2. Joensuu, 1997. — S. 1–5.
81. Palaeoecological studies of three small lakes in western Lake Ladoga region: Holocene vegetation dynamics, history of agriculture and effects of vegetation and land-use change on aquatic ecosystems // *Proceedings of the 2nd Lake*

- Ladoga Symposium / University of Joensuu, Publication of Karelian Institute 117. Joensuu, 1997. — S. 391–395 (совместно с E. Grönlund, H. Simola, T. Alenius, J. Lahtinen, J. Miettinen, L. Kivinen., N. Davydova, J.-P. Taavitsainen, K. Tolonen).
82. Kronikan taustat. Сведения хроники. В кн.: Mikko Savolainen. Inkerinmaa. : «Atena», 1997. S.
83. The finnish Population of themedieval Cities of Northern Russia // *Finno-ugri et slavi* 1997. Area of the Gulf of Finland in the 9–13 centuries. Museoviraston arkeologian osaston julkaisu 8. — Helsinki: «Gummerus», 1999. — S. 23–28 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
84. Paleoecological reflection of rapid land use change in the northern Lake Ladoga region // *Proc. of the 3 Intern. Lake Ladoga Symp.* Joensuu, 2000. — S. 504–507 (совместно с H. Simola, J. Miettinen, E. Grönlund).
85. Pollen analytical evidence of Late Medieval establishment of arable field cultivation in the environs of the Svir Monastery, eastern Lake Ladoga coast // *Climate and environment during the Last Deglaciation and Holocene in NW Russia and around the Baltic.* Sankt-Peterburg, 2001. — S. 21 (совместно с E. Grönlund, H. Simola, С.И. Кочуркиной).
86. Viipurin kaupunkikaivaukset 1999–2000 // *Hiidenkivi* 2/2001. Helsinki, 2001. — S. 26–29 (совместно с M. Suhonen).
87. An archaeological field survey of Stone Age and Early Metal period settlement of Kaukola (Sevastynovo) and Räisälä (Melnikovo) on the Karelian Isthmus in 1999 // *Fennoscandia archaeologica.* № 18. — Helsinki: «Gummerus», 2001. — S. 3–25 (совместно с Mika Lavento, Petri Halinen, В. Тимофеевым, Д. Герасимовым).
88. Kaupunkiarkeologia Viipurissa // *Suomen keskiajan arkeologian seura (SKAS)* 2/2002. Turku, 2002. — S. 4–10 (совместно с С. Бельским, M. Suhonen).
89. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // *Fennoscandia archaeologica* XIX. — Helsinki: «Gummerus», 2002. — S. 37–64 (совместно с С. Бельским, А. Курбатовым, Н. Поляковой, M. Suhonen).
90. Ristiretkiaika 1100–1300 jKr. // *Karjalan synty. Viipurin läänin historia I.* — Jyväskylä: «Gummerus», 2003. — S. 383–474 (совместно с P. Uino, M. Hiekkanen).
91. Stadsarkeologi i Viborg // *Medeltidsarkeologisk tidskrift* 2003:1. Lund, 2003. — S. 14–30 (совместно с С. Бельским, M. Suhonen).
92. 1200-luvun lopun raadiohiiliajoitus Viipurista // *Suomen keskiajan arkeologian seura (SKAS)* 3/2003. Turku, 2003. — S. 15–20 (совместно с Matti Saarnisto, J.-P. Taavitsainen).
93. Archaeological Chronology of Medieval Vyborg — preliminary results of the excavations of 1998–2000 // *Fenno-ugri et slavi* 2002. Dating and Chronology. — Saarijärvi: «Gummerus», 2004. — S. 98–109.

94. New Studies of Viking Age and Medieval Swords from the Collection of the National Museum of Finland // *Fenno-ugri et slavi* 2002. Dating and Chronology. — Saarijärvi: «Gummerus», 2004. — S. 28–35 (совместно с А.Н. Кирпичниковым, Leena Tomanterä).
95. Viipurin kaupunkikaivaukset 1999-2001 // Viipurin linnaläänin synty. Viipurin läänin historia II. Jyväskylä, 2004. — S. 88–90.
96. Radiohiiliajoituksia Viipurin arkeologisilta kaivauksilta Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia II. — Jyväskylä: «Gummerus», 2004. — S. 259–261 (совместно с Matti Saarnisto).
97. Radiocarbon dates from archaeological excavations in Viipuri. The corner site of former Uudenportinkatu and Etelävalli // *Fennoscandia archaeologica* XXI. — Helsinki: «Gummerus», 2004. — S. 37–42 (совместно с Matti Saarnisto).
98. Land-use history of Riekkalansaari Island in the northern archipelago of Lake Ladoga, Karelian Republic, Russia // *Veget Hist Archaeobot* 13. Helsinki, 2004. — S. 23–31 (совместно с Teija Alenius, Elisabeth Grönlund, Heikki Simola).